

Наталья
Гречук

Петербург

ЗАСТЫВШИЕ МГНОВЕНИЯ



ИСТОРИЯ ГОРОДА
В ФОТОГРАФИЯХ
КАРЛА БУЛЛЫ
И ЕГО
СОВРЕМЕННИКОВ

Наталия Гречук

**Петербург. Застывшие мгновения.
История города в фотографиях
Карла Буллы и его современников**

«Центрполиграф»

2015

Гречук Н.

Петербург. Застывшие мгновения. История города в
фотографиях Карла Буллы и его современников / Н. Гречук —
«Центрполиграф», 2015

В ваших руках книга с уникальными фотографиями из числа тех, что хранятся в петербургском Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов. На них предстает жизнь прежней российской столицы тех времен. Интересны и короткие рассказы, сопровождающие эти архивные снимки. Материал для них автор разыскивала в петербургских газетах и журналах вековой давности и в еще более старинных книгах и документах. А факты и детали старалась выбирать такие, которые мало, а то и совсем не были известны любителям и знатокам истории города на Неве. Книгу можно читать в любом порядке: хоть с начала, хоть с середины, а то и вовсе с конца книги. Это как с калейдоскопом: в одну ли сторону повернешь, в другую, а сложится цельная картинка. Автором большинства снимков в этой книге является знаменитый фотолетописец петербургской жизни на рубеже XIX–XX веков Карл Карлович Булла. Есть там также работы его сыновей Александра и Виктора, которые в свое время и передали архив отца городу.

Содержание

К читателю	6
Хранить вечно	7
Фотограф Его Величества Петербурга	7
В гуще событий	10
Профессия – репортер	12
Ах, юбилей, юбилей, юбилей!	14
Сосчитали по головам	14
Ивановых всегда было больше	16
К вящему поощрению гражданина	18
Праздник под дождем	20
Ах, юбилей, юбилей, юбилей!.	22
«При объездах мною усмотрено...»	24
Подрядчик был жуликоват...	24
«При объездах мною усмотрено...»	26
Купец – это голова!	28
Прогулял. Но в пользу бедных	30
Опасная профессия	32
«Благонамеренный и вполне благонадежный»	32
Животрепещущий «листок»	34
Опасная профессия	36
«Г-н Кан даст вам талию»	38
Новое «искусство»?	40
«Для дворового обереганья»	42
Хозяин «местности»	42
«Для дворового обереганья»	44
«Душа гражданства»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наталия Гречук
Петербург. Застывшие мгновения.
История города в фотографиях
Карла Буллы и его современников

© Гречук Н., 2015

© ООО «Рт-СПб», 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

К читателю

В руках у вас книга с редкими фотографиями из числа тех, что хранятся в петербургском Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов. Фотографии старые, сделаны по меньшей мере век назад. На них предстает жизнь прежней российской столицы тех времен.

Вот петербургские модницы, а вот обитатели ночлежек. Это – городской, градоначальник, гимназист. А тут – трамвайчик на невском льду и швейцар в банном вестибюле. И Летний сад, Мариинский театр, мосты, петербургские речки...

Интересно и просто так их рассматривать.

Но я надеюсь, что интересными покажутся вам и короткие рассказы, сопровождающие эти архивные снимки. Материал для них я разыскивала в петербургских газетах и журналах тоже вековой давности и в еще более старинных книгах и документах. А факты и детали старалась выбирать такие, которые мало, а то и совсем не были известны любителям и знатокам истории нашего города.

«Застывшие мгновения» – слова, показавшиеся мне подходящими для названия этой книги...

Все рассказы можно читать в любом порядке: хоть с начала, хоть с середины, а то и вовсе с конца книги. Это как с калейдоскопом: в одну ли сторону повернешь, в другую, а сложится цельная картинка.

Надеюсь, и читатель увидит в представленных здесь «застывших мгновениях» всегда дорогой его сердцу Петербург – только в новых ракурсах.

Замечу еще вот что: автором большинства снимков в этой книге является знаменитый фотолетописец петербургской жизни на рубеже XIX–XX веков Карл Карлович Булла. Его наследие составляет основную часть коллекции Центрального государственного архива кинофотофонодокументов. Есть там также работы его сыновей Александра и Виктора, которые в свое время и передали архив отца гор од у.

Поэтому, наверное, справедливо открыть книгу рассказом об этих знаменитых фотографах.

Хранить вечно

Фотограф Его Величества Петербурга

Позвольте представить вам человека, имя которого наверняка вы хоть однажды да слышали. Карл Булла, фотолетописец старого Петербурга, сохранивший для потомков запечатленными секунды истории нашего города.

Семейные предания рассказывают, что в российской столице немецкий мальчик Карл объявился в 1867 году. Один ли, с родными ли, по какой причине – осталось неизвестным... Лет двенадцати поступил Карл в учение к магазинщику. Магазин фирмы «Дюнант» торговал не модной одеждой, не обувью, не хлебом или еще чем-то привычным для обывателя тех времен, а фотопринадлежностями.

Ученик оказался смысленным и любознательным, при том что народившееся фотографическое искусство его весьма заинтересовало. Он самостоятельно изучил по заграничным книжкам способ обливания стеклянных пластинок светочувствительным раствором. Попробовал сам их изготовлять – получилось успешно.

На том период ученичества в своей жизни Карл Булла мог посчитать завершенным. Предприимчивый юноша начинает первое собственное «дело»: открывает маленькую лабораторию по изготовлению фотопластинок, продавая их в разные города через оптовую фирму «Лиман и Рикс».



Но все это лишь предыстория появления на свет Буллы – знаменитого, вошедшего в историю фотографии, в историю Петербурга, да и всей России.

Отсчет начинается с 1875 года, когда Карл Карлович открыл свою «фотографию». После того как она обосновалась в 1898 году на Садовой, 61 (в том же доме хозяин и квартировал), этот адрес стал популярен у петербуржцев, желающих запечатлеться «на долгую память».

На Садовой его ателье просуществовало по 1904 год. К тому времени к нему уже прибавилось еще одно фотографическое заведение – в «Пассаже», на Невском, 48. А к 1908 году все в столице были наслышаны о новой, совершенно роскошной фотографической мастерской Карла Буллы на Невском, в доме № 54, куда он переехал и жить, и работать.



Любопытно, что номер телефона ателье при всех переездах с адреса на адрес оставался неизменным: 1700. Карл Булла, сам себя именовавший «старейшим фотографом» Петербурга, и в этом видел «марку» своего заведения...

С ростом предпринимательского благополучия и профессиональной славы поднимался и социальный статус.

Поначалу Карл Карлович Булла принадлежит к сословию мещанскому. «Весь Петербург на 1905 год» представляет его уже в ранге купца. Этот же справочник 1912 года сообщает о потомственном почетном гражданине К.К. Булле.

Звание почетного гражданина было учреждено манифестом Николая I в 1832 году в поощрение «за оказанную на разных поприщах полезную деятельность». Польза от деятельности фотографа Карла Буллы была несомненной. Для нас же с вами она просто неоценима!

Карл Карлович оставил нам сотни и сотни снимков – своего рода фотоэнциклопедию, вобравшую в себя людей и события конца XIX – начала XX века. Замечу, что и возможностей у этого чрезвычайно энергичного человека было больше, чем у любого другого петербургского фотографа. Он сам добивался этих возможностей.

В 1896 году стал «фотографом Министерства Императорского Двора» – министерство специальным документом предлагало всем правительственным и общественным учреждениям оказывать Булле всяческое содействие...

Летом 1904 года получено им «милостивейшее разрешение» снимать особ царствующего дома.

Чуть позже – выдано свидетельство Главного Морского штаба на право производить съемки «всех событий, касающихся морской жизни». Такого же рода документ имел он и от Главного штаба Военного министерства...

Своим официальным фотографом числили его также Попечительство о глухонемых и Императорская публичная библиотека, петербургское градоначальство и Российское пожарное общество.

Столь высокое официальное признание, впрочем, не мешало Карлу Карловичу объявлять в газетах, что он вообще «снимает все, в чем только встретится потребность, везде и всюду, не стесняясь ни местностью, ни помещением, как днем, так и в вечернее время».

Он и снимал: пожар на Обводном и торжество 200-летия Петербурга, открываемое царем; монахов Коневского монастыря и спуск миноносца «Петропавловск», которому суждено было погибнуть весной 1904 года у Порт-Артура; визиты в столицу зарубежных монархов и президентов, мертвого Гапона и принаряженных соответственно моменту обитательниц богадельни...

Очарованный Буллой Виктор-Эммануил, побывавший в Петербурге в 1902 году, одарил его званием «фотографа Короля Италии» и орденом. Ордена пожалованы были и от монархов Румынии, Болгарии и Персии...

...В 1916 году, как свидетельствуют о том семейные воспоминания, Карл Карлович Булла покинул Петербург навсегда. Уехал он на остров Эзель (Сааремаа) – где и жил до самой своей смерти в 1929 году. Может быть, еще и сохранилась там его могила. Но оставались в Петербурге

два сына старого фотографа – Александр и Виктор, продолжатели его дела, авторы многих знаменитых, запечатлевших моменты истории, снимков...

В гуще событий

Двое со старого снимка...

Тот, что постарше, в пенсне, с книгой в руках – из знаменитой семьи Маковских.

Ее главу, Егора Ивановича, знают как основателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Широко известны имена двух его сыновей – художников Владимира и Константина. Напомню две их хрестоматийные, многим памятные еще по школьной «Родной речи» картины: «Дети, бегущие от грозы» Константина Маковского и «Свидание с сыном» Владимира Маковского.



Искусству посвятил себя и Александр Владимирович Маковский, представленный на публикуемом двойном фотопортрете 1913 года. Многие годы он руководил Педагогическими курсами при Академии художеств. По его учебникам и пособиям когда-то выучилось рисовать не одно поколение школьников.

Книга, которую взял Александр Владимирович, готовясь фотографироваться, называется «Die Photographische Kunst im Jahre...».

Фотографическое искусство, которому посвящено это издание, имеет непосредственное отношение к другому герою снимка.

Перед вами еще один представитель известного семейства – Александр Карлович Булла. Александр был старшим сыном знаменитого петербургского фотографа.

Отец приучал двух сыновей к своей профессии с юного возраста: они работали в его ателье, помогали на съемках... Обоих, когда подошло время, он отправил учиться мастерству за границу.

Александр совершенствовался в ремесле в Германии, на родине Карла Карловича. Вернувшись в Петербург, он стал помощником отца в ателье на Невском, 54.

Как и отец, и младший брат, Александр салонным съемкам предпочитал репортажные. Он был даже скорее фотокорреспондентом, чем фотографом: и до революции, и после нее постоянно сотрудничал с журналами, публикуя там свои снимки.

Известно, например, что Александр Булла много снимал, как тогда выражались, «на театре военных действий» в Первую мировую войну. То было естественным стремлением профессионала быть в гуще событий, которыми жили все.

Однако по-настоящему предан был он другой теме. Искусство и люди искусства – вот постоянные, на протяжении многих лет, его герои.

Еще только вернувшись из Германии и работая в отцовском ателье, Александр делает фотопортреты писателей Аркадия Аверченко, Александра Куприна, Федора Сологуба, Леонида Андреева... С Леонидом Андреевым он позже подружился, гостил у него в Райволе, теперешнем Рошине, фотографировал писателя в кругу семьи, на прогулке, за работой. Добрыми его знакомыми становились практически все, кого он снимал, а среди них были не только писатели, но и художники – Василий Верещагин, Илья Репин, Константин Сомов, Николай Рерих, Лев Бакст, Александр Бенуа... И артисты – Федор Шаляпин, Ольга Преображенская, Анна Павлова, Николай Монахов...

В начале 1900-х годов начинается регулярное сотрудничество Александра Буллы с журналом «Солнце России». Здесь публикуются многие из сделанных им снимков: фотопортреты, сцены из спектаклей, жанровые сюжеты. Общим с братом увлечением стало у Александра новорожденное кино – он снимал видовые и хроникальные фильмы для основанного Виктором кинотоварищества «Аполлон».

Революция не заставила братьев Булла отказаться от своей профессии и любимого дела.

Александр Карлович и после 1917 года работает много и интенсивно. Его репортажные снимки появляются на страницах иллюстрированных журналов «Пламя», «Петроград» (который потом стал называться «Ленинград»), «Красная панорама», московского «Эхо».

К сожалению, в те годы издатели не слишком уважали авторов – и тексты, и фото часто безымянны. Можно лишь догадываться, что снимки Кунсткамеры или нашей Филармонии в журнале «Эхо» за 1922 год принадлежат Александру Карловичу, поскольку Виктор с «Эхо» не сотрудничал.

А в журнале «Петроград» фотографии хоть и подписаны, но часто лишь фамилией, без инициала. Однако нет сомнения, что, к примеру, чествование Мейерхольда в Александринском театре снимал именно Александр Булла.

Вообще масса его работ в петроградско-ленинградских журналах 1920-х годов. Широко представлена любимая тема – театральная жизнь. Но не только она. Приходилось ему уже работать, как говорится, на злобу дня: снимать и первомайские демонстрации, и конференцию юных пионеров, и будни военных курсантов.

Впрочем, ведь и в прежние времена объектив фотоаппарата Александра Карловича был достаточно «широк». Так, в одном из номеров «Петрограда» за 1923 год есть подборка снимков, подписанных «А.Буллa»: сделаны они в июле 1917 года. На них разгон казаками демонстрантов на Невском в июле 1917 года, похороны в Лавре убитых тогда казаков, принимавший участие в церемонии Керенский.

...Все оборвалось в 1928 году. В тот год, как рассказывала мне племянница Александра Карловича, Валентина Викторовна Каменская, его арестовали. «Прегрешений» можно было найти в достатке: происхождение, учеба в Германии, нежелательные знакомства...

А.К. Буллу сначала выслали на Соловки, потом отправили на строительство Беломорканала, где, кстати, он работал и как фотограф. Освободили незадолго до войны, и жить он поехал в Москву, к своей единственной дочери Муле – Марианне. Там он и умер в 1942 году.

Профессия – репортер

«Теперь праздник Первого мая будет носить классовый характер, подлинное его лицо не будет затемнено примазавшейся к торжеству буржуазией». Так писала – только все еще по-прежнему с «ерами» в конце слов и с «ятями» – «Петроградская правда» 20 апреля 1918 года.



После пасмурного утра тот первомайский день неожиданно оказался ясным и солнечным. И Петроград расцвятился тоже.

Митинги проходили на всех главных площадях столицы, но главное торжество состоялось на Марсовом поле. Братским могилам жертв революции по церемониалу должны были поклониться «все без исключения демонстранты» (пели, кстати, «вечную память»). Здесь же была выстроена трибуна «для членов исполнительного комитета». Для зрителей – они накануне получили пропуска в 33-й комнате Смольного института – со стороны Павловских казарм соорудили помосты. А «на дровах и где только можно примостились корреспонденты и фотографы».

Одним из этих фотографов был Виктор Карлович Булла. Портрет, на котором он перед вами, сделан, видимо, в начале 1930-х годов, зато снимок его собственной работы возвращает нас именно в 1 мая 1918 года...



Виктор был младшим сыном Карла Карловича. Приобщение к ремеслу отца, как и у Александра, шло у него весьма успешно.

Первую широкую известность принесли Виктору Булле его репортерские снимки, публиковавшиеся в журнале «Летопись войны с Японией», отправился же он на театр русско-японской войны, когда ему только-только исполнился 21 год. Можно представить себе, в каких ситуациях оказывался молодой фронтовой фотокорреспондент, если вернулся домой с медалью «За храбрость». А десять лет спустя прошел он дорогами еще одной войны, Первой мировой...

Кроме знакомого с детства фотодела, Виктор в молодости увлекся кино – оно тогда едва у нас зарождалось. Основанное им в 1909 году товарищество «Аполлон» для производства хроникальных и видовых фильмов было хорошо известно в столице. Достаточно сказать, что снятая Виктором Буллой в 1911 году «фильма» об автопробеге Петербург – Рим – Петербург демонстрировалась целый год!

...Когда Карл Карлович, женившись во второй раз, уехал на жительство на остров Сааремаа, его фотоателье на Невском, 54 перешло к сыновьям.

Однако Виктор никак не годился на роль салонного фотографа. Репортерство было у него, видимо, в крови. А бурный 1917 год с его двумя революциями – щедр на злободневные сюжеты.

...Вы, наверное, не раз видели эти, давно уже хрестоматийные снимки в разных изданиях – от учебников до фотоальбомов. Петроградские женщины на демонстрации 23 февраля 1917 года¹. Расстрел демонстрантов 4 июля 1917 года у Публичной библиотеки. Они всегда публиковались без имени автора, как и многие другие, не менее известные. А был им никто иной, как Виктор Булла.

Он и после Октября оставался фоторепортером. Снимал Петроград в дни наступления Юденича и отправляющиеся в деревню продотряды. Открытие II Конгресса Коминтерна 19 июля 1920 года и Ленина, выступающего с трибуны у Зимнего дворца. Памятное наводнение 1924 года и приезд Маяковского в 1927-м.

Как когда-то отец, теперь уже Виктор Карлович брал своих детей с собой на съемки.

И в то воскресенье, 15 июля 1928 года, он взял сына Юру и дочь Тамару, отправляясь на торжество открытия Шалаша в Разлив. На обратном пути моторная лодка, на которой все они были, перевернулась – четырнадцатилетнюю Тамару спасти не удалось. 17 июля «Ленинградская правда» поместила три снимка В. Буллы в репортаже «Памятник Ленину в Разливе». И маленькую заметочку на той же странице: «Катастрофа на воде с 5 жертвами».

А жизнь самого Виктора Карловича завершилась в памятном для многих 1938 году. Случилось все грубо и просто. В июне В.К. Булла был арестован. Статья страшная – 58-я. В октябре его расстреляли...

Они уходили, один за другим, из жизни – фотографы по фамилии Булла. Но в истории им выпало остаться навсегда.

¹ Здесь и далее все даты до февраля 1918 года даются по старому стилю.

Ах, юбилей, юбилей, юбилей!

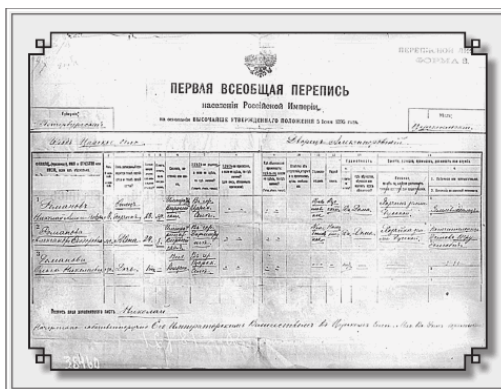
Сосчитали по головам

Недавно узнали мы, сколько же нас насчитывается в России и сколько в Петербурге: после долгого перерыва устроена была у нас перепись населения.

А знаете ли вы, что когда-то в старой российской столице переписи населения проводились регулярно? Петербург, можно сказать, выступил в России пионером этого дела.

Правда, разного рода «народоисчисление» проводилось у нас еще со времен татаро-монгольского нашествия. Татары тогда учитывали народ «по дворам», чтобы полнее собрать дань – ясак. В 1710 году Петр I велел переписать все крестьянские дворы в связи с податями. Потом стали «ревизовать» население в деревнях, посадских и служилых в городах, причем поименно – только мужчин. Если помните, Елизавета Воробей из гоголевских «Мертвых душ» попала в «ревизскую сказку» лишь по причине своей «мужской» фамилии...

Идея провести однодневную поголовную перепись в Петербурге родилась в 1861-м, реформенном, году. Авторами ее были члены Русского Географического общества, у которого, однако, своих средств на это не имелось. За исчисление петербургских жителей взялся тогда столичный Статистический комитет, но на свой лад – попросту собрав через полицию от домохозяев сведения о количестве проживающих у них лиц. Хорошо, что статистики сами поняли, что сделали бесполезное дело. Правда, на осознание этого ушло несколько лет.



Зато уж в ноябре 1869 года повелением Александра II образован Особый распорядительный комитет, выработавший правила проведения однодневной поголовной статистической переписи в столице. Назначили ее на 10 декабря.

Собрали штат из 300 счетчиков, «большую часть предложивших свой труд совершенно безвозмездно». Разработана форма переписных листов, которые потом были розданы владельцам домов и квартир, разосланы во все воинские команды.

Информацию в итоге получили подробную, что о домах с квартирами, что о людях, в них живущих. Про дома говорить не будем, интереснее другие цифры. На день переписи проживало в столице 667 963 жителя; среди них русских более 84 %, немцев – 7 %, финнов – 2,5 %; крестьян более 31 %, дворян – свыше 14 %; среди мужчин грамотных было две трети, а среди женщин примерно половина...

Такую же однодневную перепись успели провести в Петербурге еще дважды – в 1881-м и 1890 году, пока для такой же акции созрела уже и Россия в целом.

Первую всеобщую перепись населения Российской империи, на основании утвержденного 5 июня 1895 года Николаем II Положения, произвели 28 января 1897 года. Как выглядел в тот раз переписной лист, вы видите на нашем снимке; даже надеюсь, разберете кое-что из написанного. Но на всякий случай некоторые записи «переведу».

«Фамилия (прзвище), имя и отчество или имена, если их несколько – Романов Николай Александрович».

«Кем записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи – Отец, хозяин».

«Сословие, состояние или звание – Император Всероссийский».

«Занятие, ремесло, промысел, должность или служба. Главное – Хозяин земли Русской. Побочное или вспомогательное – Землевладелец».

Николай Романов на тот момент был одним из 1 267 023 душ, населявших Петербург...

Перепись 1897 года до самых советских времен так и оставалась единственной общероссийской.

Зато петербургское «народоисчисление» продолжалось с достаточной регулярностью: в 1900-м, 1910 году... При этом каждый раз заново петербуржцам разъяснялись его задачи и цели – «отнюдь не фискальные», единственно ради получения «живого образа», «фотографического снимка» города. А в феврале 1916 года прошла в Петрограде перепись особого рода – беженская. Были учтены поименно 100 704 человека, которых Первая мировая война сняла с насиженных мест и занесла в столицу.

И после революции тоже именно Петроград переписал своих жителей раньше, чем перепись организовали в стране. Произошло это 2 июня 1918 года «ввиду необходимости урегулирования карточной системы и пересмотра порядка распределения дополнительных пайков среди лиц, занятых физическим трудом». Через два года акцию повторили, и оказалось, что население города за это время уменьшилось вдвое, составив всего 706 841 человека. На 100 женщин оставалось всего 72 мужчины – вот что значит война!

Потом, конечно, население Ленинграда стало расти. И уж давно занял наш город место в разряде мегаполисов.

Ивановых всегда было больше

Я так думаю, не найдется человека, который бы хоть раз не обращался к услугам адресного стола. Случается же – надо разыскать кого-то, с кем давно утратил связь.

Читатель может гордиться: первым городом в России, обзаведшимся подобным учреждением, был Петербург! Ну, еще и Москва – не будем ее обижать... И случилось это в 1809 году.

Впрочем, Александр I, распорядившийся учредить в обеих столицах Конторы адресов, всего лишь желал тогда «привести в известность многочисленный класс людей, отправляющих разные должности в частных домах». Посему первоначально эти учреждения являлись отделениями полиции. Но «класс» оказался действительно многочисленным: регистрации в Конторе адресов подлежали все те, кто в Петербурге жил временно, а из жителей постоянных – «не приписанные в какое-либо состояние». То есть равно какой-нибудь француз-гувернер или дворник из барского дома. Всем им в Конторе выдавались «билеты» – своеобразный вид на жительство, при отсутствии которого человек из столицы высылался. «За записанье», то есть за регистрацию, еще и взималась плата: с того же гувернера, к примеру, брали 10 рублей, а с дворника 5, женщинам скидка...

Надо заметить, что ввиду большого числа иностранцев, проживающих в Петербурге, Контора имела для них специальное отделение, с переводчиками. В 1827 году на него была возложена еще и обязанность выдавать паспорта всем выезжающим за границу – этакий ОВИР тех лет. Но через десять лет эту функцию передали канцелярии военного генерал-губернатора. Тогда Контору адресов вообще подвергли реформе, превратив в Адресную экспедицию. Круг регистрируемых при этом несколько расширился. «Исправляющие какие-либо частные должности по найму» должны были теперь записываться в Экспедиции, какого бы звания и состояния они не были. И также абсолютно все иностранцы, кроме посольских...

Но что более существенно, сие учреждение кроме административно-полицейских функций через некоторое время получает и более широкое, общественное назначение. В составе Адресной экспедиции появляется адресный стол, можно сказать, уже в современном понимании – как справочная служба, «для доставления всем и каждому из желающих нужных сведений о месте жительства пребывающего в столице». И тут-то уж первенство северной столицы утверждается без всяких оговорок: такой же московский «стол» появился лишь в 1861 году и, как сказано в соответствующем документе, «по примеру С.-Петербурга».

Вот как описывала наш адресный стол «Литературная газета», на страницах которой в ноябре 1848 года появилось письмо некоего провинциала, решившего разыскать в Петербурге своего дядюшку с весьма распространенной фамилией Иванов и направившегося с этой целью в «дом первого департамента Управы благочиния на Большой Садовой». Увидел он там столы с металлическими дугами, на дугах – нанизанные «билеты», на каждом записано имя, фамилия, сословие и место жительства. По этим билетам чиновник присутствия и отыскал провинциалу его дядюшку: «кстати, скажу, что Ивановых проживает в Петербурге более 1000 человек – богатая фамилия!».

В 1848 году петербуржцы еще только учились пользоваться справками адресного стола, и обращений было мало. Зато в 1896 году, по словам «Нового времени», одних только частных справок стол выдал 535 647, не говоря об ответах на запросы почтовиков и телеграфистов.



Чтобы справляться с таким наплывом, время от времени приходилось набирать новых служащих – алфавитчиков и сортировщиков, покупать новые столы и металлические дуги. Но городские власти считали адресный стол «учреждением необходимым и полезным как для правительства, так и для общества», а потому заботились о его «надлежащем устройстве». Со средствами на это проблем, в общем, не возникало: сначала их давали градоначальство и полиция, потом Управа, взявшая адресный стол в свое ведение. Да и сам он был прибыльным, поскольку все справки являлись платными, и даже две копейки за каждую вырастали ежегодно в большой итог.

А фотография, которую вы видите перед собой, сделана в адресном столе особого рода. Его появление было вызвано условиями военного времени. Дело в том, что с осени 1914 года в Петербург хлынула большая волна беженцев, здесь же на излечении находились раненые – уроженцы разных городов России. И потому учрежденный под опекой великой княжны Татьяны Николаевны Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий открыл Центральное справочное бюро, через которое люди могли разыскать родных и близких...

К вящему поощрению гражданина

Можно было бы найти для этого рассказа другого героя, но и Павел Иванович Лелянов представляет свой интерес. Дважды призывался столичной Думой на службу городским головою, последний раз исполнял эту должность накануне Февральской революции 1917 года. Купец 1-й гильдии, торговец мехами, выборный петербургского Купеческого общества. Член правлений «Русского Ллойда» и Русского для внешней торговли банка плюс еще пяток других занятий и обязанностей. Потомственный дворянин. Действительный статский советник.



Последние две ипостаси не были бы возможны для купца Лелянова, не получи он в свое время звание потомственного почетного гражданина.

Сословие почетных граждан в России имеет совершенно определенную дату рождения. Манифест о его учреждении дан был 10 апреля 1832 года Николаем I в надежде, что тем самым «откроется вящее поощрение к труду и благонравию, и добрые навыки, трудолюбие и способности предудеют найти в сем роде жизни свойственную им награду, почесть и отличие».

На почетное гражданство могли претендовать из россиян: купцы 1-й и 2-й гильдий с немалым гильдейским стажем, ученые со степенью доктора или магистра, художники по прошествии десяти лет после получения ими аттестата Академии художеств. Имели свой шанс и иностранцы, принявшие российское подданство; для тех же, кто таковое не принял, нужен был особенный указ Сената.

«Особыми Нашими Указами», как подчеркивал Николай в Манифесте, давалось звание почетного гражданина евреям – и «не иначе, как за необыкновенные заслуги или отличные успехи в науках, художествах, торговле и мануфактурной промышленности».

Почетное гражданство можно было получить «пожизненно» или «навсегда, потомственно». Отсюда наименования «личный почетный гражданин», то есть не передающий звания наследникам, и «потомственный почетный гражданин». Его могли пожаловать «по праву рождения», то есть по наследству, либо по представлению ведомства, либо вообще по личной просьбе.

В таком случае следовало адресоваться или к самому царю – при соискании потомственного звания, или в департамент герольдии Правительствующего Сената – по поводу личного. Прошение надлежало сопроводить документами: удостоверением о вероисповедании, брачным свидетельством, метриками просителя и его детей, свидетельством соответствующей инстанции о том, что право на поощрение у ходатая имеется, и квитанцией об уплате пошлины.

Оказанная честь была дорога и в буквальном смысле слова. Новоиспеченный потомственный почетный гражданин должен был внести пошлину: 200 рублей на богоугодные заве-

дения в своей губернии и 800 рублей на развитие торговли и промышленности плюс 100 рублей за исполнение самой грамоты о звании... Личному процедура обходилась в два раза дешевле.

Кстати, надо отдать должное царю, он все-таки представлял разницу в доходах купца и ученого или художника. С последних, как с малоимущих, пошлина бралась только за оформление документа, удостоверяющего причисление к почетному сословию.

Однако какие же преимущества или, выражаясь современным языком, льготы давало гражданину новое звание?

А вот какие. Освобождение от подушного оклада, от рекрутской повинности и от телесного наказания в случае преступления. Право участвовать в выборах при наличии недвижимой собственности и быть избранным в городское общественное управление. Надо заметить, что некоторые из этих привилегий для дореформенной России весьма существенны.

Но с годами титул все больше обретал свой буквальный смысл, символизируя почет и уважение общества к данному человеку. Хотя, как свидетельствует справочное издание 1914 года, для евреев некоторые особые права почетного гражданства продолжали сохранять свою силу и в начале XX века, например, возможность получить бессрочный паспорт.

...В заключение вот о чем. В наше время и в нашем городе, бывает, путают два звания – почетный гражданин как член определенного сословия и почетный гражданин Петербурга.

Второе звание и прежде имело, так сказать, местное значение и присваивалось за особые заслуги перед городом по представлению городских же властей, правда, при «всемилоштивейшем соизволении».

По разным источникам составляется такой документально подтвержденный список тех, кого Петербург назвал своими почетными гражданами до 1917 года: шапочный мастер Осип Комиссаров, отведший руку Каракозова, стрелявшего в 1866 году в Александра II; Дж. В. Фокс, глава американской делегации, поздравившей тогда царя с чудесным спасением; городской голова Н.И. Погребов; участник русско-турецкой войны генерал Ф. Радецкий; путешественник и ученый Н.М. Пржевальский; прославившийся репрессиями министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов; благотворитель и попечитель наук принц А.П. Ольденбургский, а также публицист и историк М.М. Стасюлевич.

Праздник под дождем

Шестнадцатого мая 1853 года автор еженедельно тогда публиковавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» «фельетонов» – подвальных обозрений столичной жизни – разговорился в лодке, перевозившей их через Неву, с неким попутчиком. Повод для разговора имелся: Петербургу в тот день исполнялось полтора года, а никаких следов праздника не наблюдалось.

Попутчик был стар, и журналист поинтересовался, не случилось ли ему быть свидетелем празднования 100-летнего юбилея столицы. Старик те торжества помнил, но что-нибудь рассказать о них решительно отказался. «Поищите в статьях, газетах... Ступайте в Императорскую Публичную библиотеку, там все есть».

Воспользуемся и мы советом неразговорчивого старца и поищем в старых газетах сведения о том, как же отмечал Петербург свой юбилей в 1803 году. Надо сказать, то было первое в его истории торжество по случаю дня рождения, а следующего празднества пришлось ждать до 1903 года. Это мы теперь не пропускаем ни одного дня рождения своего любимого города...

Для начала обратимся к «Санкт-Петербургским ведомостям» того времени, к отчету об официальной церемонии по случаю 100-летия. Сценарий ее был распisan заранее: торжественное прибытие их императорских величеств в Исаакиевскую церковь, молебствие, пение вечной памяти Петру-основателю, поднятие штандарта на ботике Петра I, «именуемом Дед Российского флота», парад войск перед Александром I, посещение их величествами Большого театра, где представлены были «Российская комедия и большой балет»... Вечером столичные дворцы, Петропавловская крепость, домик Петра, а также казенные и частные здания были «великолепно иллюминированы»...

Что касается иллюминации, то в очерке истории уличного освещения в столице, написанном в 1912 году Г. Семеновичем, сказано, что 16 мая 1803 года «огней разного цвета» – скипидарных, сальных и масляных ламп и плошек – насчиталось в городе 128 000. Горели они четыре часа, и обошлась эта красота в 25 662 рубля...

Вспоминает юбилей 1803 года и Фаддей Булгарин в своей газете «Северная пчела», в номере за 16 мая 1853 года (тем самым как бы отдавая дань 150-летию Петербурга). Юному тогда Фаддею, воспитаннику 1-го Кадетского корпуса, «выпало счастье» быть в рядах парадного войска, промаршировавшего перед царем. Еще больше повезло двум его соученикам, стоявшим на часах по бокам, как сказано, «эстрады», устроенной перед зданием Сената и предназначенной для нахождения на ней августейшей фамилии. После парада в Зимний дворец к «обеденному столу» приглашены были «генералитет и прочие знатные особы». Но не забыли и кадет – «они были подчиваны фруктами». Булгарин поясняет, что «фруктами» в корпусе называли изюм и миндаль, которыми воспитанников баловали исключительно в «царские дни и большие праздники»... Нашлась и еще одна любопытная информация о дне празднования 100-летнего юбилея. Снова раскроем «Санкт-Петербургские ведомости», номер за 4 июня 1853 года и обратимся все к тому же автору «фельетонов»-обозрений, который никак не мог примириться с тем, что столица не празднует свое 150-летие. Он опять расспрашивал каких-то старожилков про майские торжества 1803 года и узнал от них вот что: «В день празднования столетнего юбилея, вечером в Летнем саду было блистательное гулянье. Экипажи тянулись к этому саду со всех концов столицы. Одних дам съехалось несчетное множество. Все они были в роскошных летних нарядах, в шляпках с высоко развевающимися страусовыми перьями, с ожерельями и золотыми цепями на шеях, с бисерными в руках ридикюлями. Погода была прекрасная, теплая, сухая, и на собирающиеся тучи никто не обращал внимания. Вдруг... Просто сказать, дождь как из ведра стал поливать гуляющих; улицы закипели ручьями, шум дождя помешал выкликать кучеров...



На другой день утром целыми тележками, как говорит предание, вывозили из Летнего сада растерянные и подобранные башмаки, банты, страусовые перья, парики, перчатки, ридикюли, платки и проч. и проч.».

Так что, может, и иллюминационные плашки горели бы не четыре часа, а подольше, да дождь залил огонь...

Жаль, в 1803 году не то что фотографий не делали, но даже не знали, что такое чудо будет когда-нибудь изобретено. Поэтому посмотрите на снимок, напоминающий о двухсотом дне рождения нашего города. Сделан он 16 мая 1903 года у Адмиралтейства, во второй половине дня, уже после того, как прошли тут торжественным маршем перед императорским шатром войска и на набережную хлынули толпы гуляющих. Кажется, дождя в тот раз в столице не было...

Ах, юбилей, юбилей, юбилей!.

Действительно, в пятницу 16 мая 1903 года погода в Петербурге выдалась, как писал «Петербургский листок», «на редкость» – «синело чистое небо, какое нам удается так редко видеть». Замечательную погоду, которую подарила нещедрая северная природа отмечающему свое 200-летие городу, отметили тогда все газеты.

... Что славный юбилей грядет, известно было давно. «Всюду можно опоздать в силу русской привычки и неизменной веры в родные „авось“ и „небось“. Все можно при некоторой натяжке отдалить или отложить, но отложить 200-летие Петербурга нельзя!!!»

Юбилейную комиссию образовали еще в 1899 году. Первые ее планы были глобальны. Задумывали строительство двадцати двух новых городских училищ, нескольких больниц для чахоточных и алкоголиков, храма в честь апостола Петра. Хотели поставить статуи сподвижников Петра на аллее от наплавного Троицкого моста к Каменноостровскому проспекту. Более того, проложить Беломорско-Балтийский канал, о котором мечтал основатель Петербурга!

Однако чем меньше времени оставалось до мая 1903 года, тем скромнее за неимением средств становились эти планы. Да и «авось» и «небось» оказались непобедимы. Даже просто нарядиться к торжествам столица принялась чуть ли не в последний момент.

28 апреля начались работы по украшению здания Адмиралтейства и Сенатской площади. «На время работ закрыт проезд по Адмиралтейской набережной от Дворцового моста...» За день до праздника еще шли авральные работы на одном из центральных объектов юбилейной программы – Домике Петра на Петровской набережной: «находящийся в соседстве двор, занятый разным строительным материалом, спешно прикрывается забором... Масса рабочих мостят улицу вокруг Домика...»

И только в ночь на 16 мая заканчивается убранство Гостиного двора, поскольку гостинодворские купцы долго не желали раскошелиться и давали художникам лишь половину требуемой суммы...

Всюду нужен был глаз да глаз!

«Во многих местах столицы во время торжественных дней вывешиваются флаги, имеющие крайне неряшливый и грязный вид, что в особенности замечено на улицах Гороховой, Казанской, Офицерской, Садовой и Моховой». По сей причине градоначальник предложил полиции «ныне же принять меры к приведению флагов на означенных улицах в должный порядок».

Но как бы то ни было, 16 мая российская столица поразила горожан и многочисленных гостей и своим пышным нарядом, и театральностью юбилейного действия. Самым главным его моментом был торжественный вынос матросами гвардейского и флотского экипажей петровской лодки-«верейки» (не путать с его же знаменитым ботиком!) из домика Петра. Потом ее погрузят на баржу, которую потянет пароход к площади у «Медного всадника».



А сама площадь украшена была роскошной «царской палаткой» – бело-голубым с золотом шатром «в стиле Людовика XIV». Здесь проходил один из положенных по сценарию молебнов и провозглашение «многая лета»...

Ветерок трепал многочисленные флаги и цветочные гирлянды на фонарях. Флагами были украшены и десятки судов, от которых в тот день стало тесно на Неве. Кстати, было среди них одно, декорированное под галерею петровских времен. О той же славной поре напоминали горожанам и brave солдаты, одетые в форму первых преображенцев.

Вот они на сделанном тогда снимке.

К двухсотому дню рождения, как известно, получила столица подарок – новый постоянный мост через Неву, Троицкий. На красной бархатной подушечке поднес тогда царю городской голова П.И. Лелянов кнопку, от которой шла проволока к механизму разводной части моста, и Николай лично убедился, что «посредством электричества» мост разводится и сводится. На таких же подушечках подали серебряные ножницы императрицам Марии Федоровне и Александре Федоровне, и они разрезали ленточку у входа на мост, после чего все пешком перешли на Петербургскую сторону...

Чем еще был отмечен юбилей столицы в 1903 году?

Устроила свой ротный праздник крепостная артиллерия, начавшая свое существование одновременно с Петропавловской крепостью.

Отпраздновала собственное 200-летие и столичная полиция, которой Николай II по этому случаю все милостивейше пожаловал на форму пуговицы с государственным гербом.

В Летнем дворце Петра открылась историческая выставка петровских раритетов.

На Монетном дворе были выпущены юбилейные медали.

«Нарасхват», по словам газет, продавались юбилейные жетоны и бумажные флажки с портретом Петра.

В Михайловском манеже состоялся обед для нижних чинов полков – «веселые и довольные расходились солдатки в восьмом часу вечера, унося с собою на память юбилейные кружки, гостинцы и папиросы».

В ознаменование 200-летнего юбилея Санкт-Петербурга городская Управа решила сложить недоимки с бедного люда за лечение в больницах.

На гулянье в саду Фарфорового завода за Невской заставой некто Чумаков выиграл серебряные часы, влезши на мачту высотой 5 сажен за 41 секунду.

К слову, Дума собиралась направить на места гуляний простого люда своих представителей, однако «среди гласных не нашлось желающих». У гласных нашлись другие дела – они были заняты устройством торжественного приема в честь приезжих дорогих гостей...

«При объездах мною усмотрено...»

Подрядчик был жуликоват...

Дом на снимке не узнать нельзя. А уж жителям бывшего Октябрьского района он известен лучше, чем кому-либо: здесь, на углу Садовой и Вознесенского размещались прежде райисполком и райсовет, а также их отделы. Он и теперь занят административными службами уже нового, Адмиралтейского района.

А в старой столице это здание знали как Дом городских учреждений. Да и сам участок, на котором он стоит, издавна принадлежал городу. Только прежде по адресу Садовая, 55 находилась Управа благочиния – полицейский орган городского управления, упраздненный в этом своем виде в начале 80-х годов XIX века. После нее дом занимали Адресная экспедиция и полицейский архив.

Старое здание Управы благочиния, выходявшее на две улицы, было таким ветхим, что ремонту уже не поддавалось. Вставала также еще одна проблема: нужно было собрать в одном месте различные городские учреждения: по воинской повинности присутствие, камеры мировых судей, городские училища, для которых пока приходилось помещения арендовать. И в 1886 году у думцев впервые возникает мысль о том, что следовало бы существующий дом на углу Садовой и Вознесенского проспекта снести, а на его месте построить новый, специально предназначенный для городских служб.



Практически дело тогда с места не сдвинулось, зато бывшая Управа благочиния стала в буквальном смысле трещать, переполненная еще и новыми «жильцами» – паспортным отделением, отделением по счислению запасных войск.

Наконец в 1892 году Дума постановила разработать проект нового здания и с началом очередного строительного сезона – а зимой тогда не строили! – приступить к работам... Почти десять лет трудились над проектом техники Управы, которым не раз меняли задания, и все их предложения в конце концов были отвергнуты.

Тем временем «теремок» продолжал заполняться. Там обосновались еще и начальные школы для девочек и для мальчиков, отделение Обуховской больницы, родильный приют. И это при том, что правую часть здания заперли на замок, поскольку она уж совершенно обветшала!

Наверное, не оставалось ничего другого, как объявить открытый конкурс на проект, что и было сделано в 1903 году. Срок установили короткий – четыре месяца. Конкурсанты должны были предусмотреть в новом пятиэтажном здании помещения не только для учреждений, но и для магазинов и складов – город рассчитывал пополнить бюджет за счет сдачи их в аренду...

В первом номере журнала «Зодчий» за 1904 год есть отчет о заседании Императорского Общества архитекторов, на котором жюри докладывало об итогах конкурса. Всего поступило восемнадцать проектов под различными девизами; один был достаточно едкий – «По одежке протягивай ножки»... Первую премию присудили инженеру и архитектору А.И. Дмитриеву. Но хозяева города предпочли строить новый дом по проекту А.Л. Лишневского, занявшего второе место. Подряд же на работы получил некий Седов, который почти одновременно с сооружением здания на Садовой занимался и оборудованием набережной Крюкова канала.

Этому самому подрядчику Седову Дом городских учреждений обязан довольно громким скандалом в самые первые годы своего существования.

Построили здание довольно быстро. Заложили 24 июля 1905 года, а к 1907-му он уже был заселен «присутствиями» и магазинами. Однако уже скоро стали обнаруживаться в новом строении весьма существенные дефекты. По стенам вдоль и поперек пошли трещины, начала обваливаться штукатурка. Со стороны Вознесенского проспекта пришлось установить по фасаду предохранительные щиты «для ограждения проходящей здесь публики»... В подвалах на аршин поднялась вода, затопив товары. Арендаторы магазинов и складов, которых было тут больше двух десятков, выступили с исками к городу в связи с понесенными убытками, некоторые даже стали съезжать.

О Доме городских учреждений заговорили газеты. Кстати, одна из них, «Речь», писавшая 7 августа 1908 года о том, что в училищном классе на пятом этаже упал на пол потолок, обнажив балки, заметила, что администрация Дома запретила пускать туда корреспондентов и давать им какую-либо информацию...

В Дом зачастили экспертные комиссии, приглашаемые городским головою Н.А. Резцовым. Эксперты фиксировали дефекты, но успокаивали общественность тем, что осадка дома, можно сказать, уже закончилась, трещины дальше не пойдут.

Подрядчик Седов соглашался, что здание уже требует ремонта. Но смешно было бы ему протестовать – в суде лежало дело по обвинению его в злоупотреблениях при работах на Крюковом канале...

«При объездах мною усмотрено...»

Правительствующий Сенат 17 июля 1871 года получил от Александра II указ о преобразовании столичного управления. Царским повелением Петербург в пределах городской черты был выделен из состава губернии в особое градоначальство с определенной автономией. Возглавлять его должен был градоначальник, представитель высшей власти, ею же и назначаемый. Этому представителю поручено было надзирать за деятельностью Думы и Управы; ему также непосредственно подчинялась столичная полиция и еще некоторые городские учреждения, которые одному только глазу местных властей не доверили – к примеру, врачебное управление, адресный стол...

Первым градоначальником, назначенным по личному усмотрению Александра II, был Ф.Ф. Трепов, до того времени имевший должность петербургского обер-полицеймейстера. Последним стал А.П. Балк, «разжалованный» революцией. А всего их было тринадцать. Кто-то не задерживался на этой должности более года. Кто-то по нескольку лет начальствовал в столице. Одни старались что-то сделать для блага города и его обитателей. Другие решали свои собственные проблемы.

К примеру, в 1881 году служил столичным градоначальником некто Н.М. Баранов. Успел он побыть в этой должности всего несколько месяцев, когда вдруг отправили его губернатором в Архангельск. Говорили тогда, будто бы это для него ссылка. Наверное, основания для таких суждений имелись, если специальный циркуляр от августа 1881 года предписывал столичным газетам «воздерживаться от помещения каких-либо неблагоприятных отзывов о деятельности бывшего СПб градоначальника генерала Баранова»...

Зато скандал вокруг другого градоначальника, свиты его императорского величества генерал-майора Д.В. Драчевского выплеснулся на страницы всех петербургских газет. Городской голова граф И.И. Толстой в своем дневнике дал Драчевскому такую характеристику: «весьма недалекий и малообразованный офицер» и производит «впечатление дурака»... Но по таким поводам обычно скандалы не разгораются. Дело было в другом.

В 1914 году, на шестом году его правления, вдруг выяснилось, что Драчевский растратил казенные деньги – и немалую сумму. Тихо было затеяно судебное расследование, а пока уволили генерал-майора в отставку, и он отправился на покой в свое ростовское имение. (До Петербурга Драчевский успел побыть градоначальником и в Ростове-на-Дону.) А следствие тем не менее продолжалось, только петербургские обыватели ничего о том не знали. О «деле Драчевского» газеты заговорили только в январе 1917 года. Но закончилось оно ничем – пришел февраль с его революцией, и стало уже не до растратчика-градоначальника...



А на старом снимке – один из предшественников Драчевского, личность гораздо более симпатичная, Николай Васильевич Клейгельс. Он седьмой слева, представительный, высокий, с бородой, расчесанной на две стороны...

На страницах столичных газет более чем столетней давности предстает его поистине неутомимая ежедневная деятельность.

«При объезде мною усмотрено...» – с этой фразы почти всегда начинались опубликованные градоначальником Клейгельсом распоряжения и приказы.

Он мог приехать среди ночи на Большую Охту и устроить пожарную тревогу, чтобы проверить сноровку пожарных, или обратить свое внимание на то, в каком виде принимают клиентов парикмахеры и цирюльники: «Помимо естественного отвращения посетителей к нетрезвым, ненормальное их состояние может привести к прискорбным последствиям». Он бывал в ночлежках, банях, начальных школах, трактирных заведениях и т. д. и т. п., указывая на всяческие тамашные упущения и требуя их непременно устранения...

Результаты своих трудов на ниве управления столицей предусмотрительный Николай Васильевич изложил потомкам на память в двух собственноручно написанных отчетах. Один из них представляет «Краткий перечень мероприятий», предпринятых им в первое пятилетие работы в должности, с 12 декабря 1895 года. Краткий перечень оказался весьма велик, так что назову лишь самое существенное.

Именно при Клейгельсе впервые в столице открыли приемную градоначальства – для посетителей и для подачи письменных прошений на имя градоначальника. Организована «первоначальная помощь в несчастных случаях», с санитарными каретами. И это Клейгельс предложил ставить на домах «фонари с молочными стеклами», на которых обозначены улица и номер дома. Как видите, и нам осталась польза от тех его «мероприятий».

Купец – это голова!

... Читатель отметит, наверное, что чуть ли не в каждом из этих рассказов о жизни старой российской столицы упоминается один из важных ее распорядителей – городской голова.

«Городской голова – в дореволюционной России председатель городской Думы и городской Управы, – объясняется в одной из советских энциклопедий. – Должность Г. г. впервые была учреждена в 1785 году правительством Екатерины II».

Однако Петербург обзавелся своим головою не в 1785 году, а двадцатью годами ранее, задолго до появления Думы с Управою.

Екатерина, намереваясь составить новый свод законов – Уложение, указала в 1766 году учредить для сей цели комиссию и выбрать в ее состав депутатов от городов. Руководить теми выборами поручила она представлявшему обывателей-домовладельцев городскому голове, которого также надлежало избрать. Определен был в указе и порядок выборов. Означенные домовладельцы, сидевшие на «приготовленных для них лавках», получали в руки по шарик, который надо было опустить в одно из отделений ящика, с надписями «избираю» и «не избираю». Процедура выходила долгая, так как все избиратели были одновременно и кандидатами в головы.

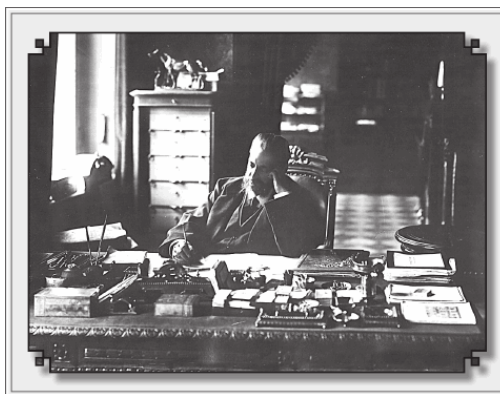
Победителем, набравшим больше всех шаров, оказался тогда генерал-майор Н.И. Зиновьев, родственник Алексея Орлова, фаворита царицы. Зиновьев и стал первым в истории столицы городским головой.

Однако прописать какие-то другие функции для этой должности Екатерина в своем указе не удосужилась, и голова долго не играл никакой роли в жизни города. До того самого 1785 года, когда последовал новый указ Екатерины – «Жалованная грамота» городам, которая расширила функции городского управления созданием Общей и Шестигласной дум (прообразов городских Думы и Управы) и определила в этой системе место и назначение городского головы.

В начале 1786 года в Петербурге состоялись новые выборы головы – тем же способом, что и первые. Фамилия избранника осталась неизвестной, ее нет даже в объемистом очерке, изданном в 1885 году по случаю юбилея столичного самоуправления. Одно можно сказать точно: был этот счастливец из купечества, самого многочисленного в Петербурге сословия состоятельных горожан, а потому и имеющего решающий голос. С тех пор на протяжении многих лет петербургские городские головы, как правило, происходили из именитых купцов.

Позже, правда, изменилась форма выборов. Уже не сами городские домовладельцы голосовали, а лишь гласные Думы. Да и те, сойдясь на двух кандидатах, окончательный выбор оставляли на высочайшее усмотрение...

Получив должность, голова строил свою деятельность на основании строгой инструкции. Прежде всего надо отметить, это была служба государственная. И по должности, и по шитью на мундире соответствующая гражданскому чину IV класса, то есть действительному статскому советнику. Все равно, что генерал-майор у военных! По чину была и оплата. В 1885 году, к примеру, годовой оклад жалованья был определен голове в 12 000 рублей, деньги вполне достаточные, чтобы на законном основании запретить совмещение с какой другой службой. Так что гласные в свое время справедливо обвинили городского голову В.И. Лихачева в том, что он продолжал оставаться еще и оплачиваемым членом совета Волжско-Камского банка...



Представлял голова в Петербурге исполнительную власть, действуя или по поручениям городской Думы, или самостоятельно, однако давая Думе «соответственные объяснения и надлежащие отчеты». Впрочем, Думе он не подчинялся, а вышестоящей инстанцией был для него градоначальник, с его ведома голова даже в отпуск отправлялся... Болеть он имел право не более четырех месяцев, иначе считался «выбывшим из службы».

Срок же самого пребывания в должности определялся поначалу в шесть лет, а потом снизился до четырех. Но могли удостоить продлением службы. Купец 1-й гильдии Н.И. Погребов, к примеру, был головою около двадцати лет.

А вот у петербургских купцов Глазуновых работа городским головою стала, можно сказать, семейным делом. Вообще-то Глазуновы прославились больше в отечественной культуре, чем на поприще городского хозяйства. Это старинная книгоиздательская и книготорговая фирма, выпускавшая сочинения Пушкина, Тургенева, Гончарова и других наших классиков, а также самые ходовые в те времена учебники, например, «Физику» Краевича.

Основателем фирмы был серпуховский купец Матвей Глазунов. А его брат Иван с 1788 года стал держать книжную лавку в Петербурге, занявшись тут и книгоиздательством.

Дело Ивана Глазунова наследовал его сын Илья, потом внук, тоже Иван. Внук и стал первым в семье, столичным городским головою в 1881–1885 годах...

На нашем же снимке сын Ивана Ильича – Илья Иванович Глазунов. Его тоже выбрали на должность головы, в марте 1910 года...

Прогулял. Но в пользу бедных

В этих еще не раз будет упоминаться Городская дума. Что естественно: Дума, вместе с Управой, выражаясь по-старинному, «ведала городское хозяйство» – занималась финансами и имуществом города, его транспортом, благоустройством, здоровьем населения и т. д. и т. п.

В те прежние времена Дума стояла над Управой, органом исполнительным, которая обращалась к гласным, то есть депутатам, за разрешением и одобрением по всякому поводу, шла ли речь о строительстве в Петербурге трамвая или требовалось назначить пенсию вдове городского. В Думе такие запросы (по протоколу «доклады») обсуждались, редко – быстро, чаще месяцами, а то и годами. Некоторые предложения Управы не принимались – за «несвоевременностью» или «отсутствием средств в городской кассе». Случалось и так, что какой-нибудь план, рожденный Думой и Управой в согласии, отвергался инстанцией повыше их – градоначальником.



Но как бы то ни было, а городская жизнь все время находилась в движении. Открывались учебные заведения и больницы, богадельни и ночлежки, возводились храмы и памятники, строились мосты, развивался общественный транспорт...

Попробуем теперь, насколько возможно, представить самих думцев, благо и сами гласные нам такую возможность оставили, да и в петербургских газетах о них немало написано.

Для начала взглянем на архивный снимок. На нем шестеро думских деятелей на перроне вокзала – депутация, по какому-то случаю командированная в Париж. Надо заметить, петербургские гласные очень любили фотографироваться; сохранилось немало снимков, где они и в группе, и в одиночку, и в таком костюме, и в этаким... Уже по фотографии можно судить о том, из кого Дума состояла. А ежегодно издававшиеся справочные книжки по санкт-петербургскому городскому общественному управлению с точностью информируют о социальном положении депутатов: генералы, графы, советники разных рангов, купцы, присяжные поверенные... На 160 думцев 1909 года только два, что называется, простолюдины: Ермил Васильев да Яков Мешков, названные ремесленниками. Оба, надо полагать, были думской достопримечательностью, сидя в ней бессменно, первый с 1898 года, а второй с 1893-го. Между прочим, в этих справочниках не встретится нам ни одного женского имени. Да и не удивительно. «Желательно ли допущение женщин к активному и пассивному избирательному праву?» – вот как вообще ставился вопрос. Он среди других в 1913 году был задан думцам и управцам в анкете в связи с тем, что правительство и IV Государственная дума озаботились совершенствованием городского управления...

Кстати, насчет избирательного права. «Корпус городских избирателей», наряду с Думой и Управой, был по закону полноправной частью городского общественного самоуправления.

«Корпус» слово здесь достаточно многозначительное. Ведь избирателями являлись далеко не все петербургские жители, поскольку таковое право определялось сословным и имущественным цензом.

За голос каждого избирателя, как и сегодня, приходилось бороться, поскольку от этого зависело получение депутатского места. Судя по фельетону в «Петербургском листке» за 25 октября 1909 года, предвыборная агитация тоже походила на современную. Упомянутый фельетон представлял якобы переписку кандидата со своей «командой», докладывающей, что ею изготовлено 500 воззваний «с вашей биографией и портретом» (20 руб.), 2500 листовок для раздачи прохожим (50 руб.) и 100 плакатов «Голосуйте за Подрядчикова!» на картоне в бамбуковой рамке, для ношения по улице (15 руб.)...

Победив же и войдя в Думу, избранники действовали там по темпераменту и личным интересам. Одни были необыкновенно активны – их фамилии мелькают во всех протоколах заседаний. А отставной генерал-майор А.П. Веретенников даже издал за свой счет «Сборник заявлений», поданных им в Думу и на имя городского головы. Предлагал он, в частности, лавки в трамвае поместить не вдоль, а поперек вагона, разрешить извозчикам летом одеваться более легко... «Заявлений» всего было четырнадцать.

Другие, напротив, позволяли себе вообще не являться на заседания. «Из предоставляемых мне постановлений городской Думы усматривается, что в последнее время число неявляющихся в заседания гласных еще больше увеличилось и что дела... большею частью разрешаются при участии небольшого числа гласных...» Это из послания в Думу градоначальника Н.В. Клейгельса, 1898 год. «Множество очередных заседаний Думы, на которые были поставлены самые важные вопросы, не состоялось за неприбытием законного числа гласных», – это уже 1909 год, сердитый «Петербургский листок» уличает гласных в том, что те «расписываются в журнале явившимися и тотчас же удирают». И о том же сурово-протокольные «Известия Санкт-Петербургской городской Думы»: гласный А.Н. Никитин предлагает обязать коллег-прогульщиков вносить за каждое пропущенное без уважительной причины заседание пять рублей в Городское попечительство о бедных, а квитанцию предъявлять в канцелярию Думы.

Вот и объяснение, хоть и не главное, почему с таким трудом, так медленно разрешались тогда многие вопросы городской жизни. Главным все-таки было другое: маломощный городской бюджет. Такова, видимо, судьба Петербурга – во все времена бюджет оказывается ему не по размеру...

Опасная профессия

«Благонамеренный и вполне благонадежный»

Среди множества газет, которые читали в старинные времена грамотные жители Петербурга, имелась одна, для них важная необыкновенно. Впрочем, то, что в ней публиковалось, обязаны были знать и неграмотные, поскольку никто из живущих в столице не имел права «отговариваться незнанием» напечатанных в ней официальных приказов, распоряжений и постановлений. Такое грозное предупреждение глядело на читателя с первой страницы каждого номера... Газета эта называлась сначала «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции», потом к названию добавили слова «и градоначальства», затем «полицию» убрали...

За годы, что «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства» издавались, сменилось у них чуть ли не два десятка редакторов. Были среди них люди известные и безвестные. Но скандальным – только один.

«Милостивый Государь, Петр Николаевич! Редактор газеты „Ведомости С. Петербургского Градоначальства“ М. Кривошлык обратился ко мне с просьбою оказать ему содействие к получению должности Редактора „Правительственного вестника“. Зная лично г-на Кривошлыка за благонамеренного и вполне благонадежного человека, я присоединяюсь к его ходатайству и покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать, буде возможно, в предоставлении ему просимой должности. Примите, Милостивый Государь, уверение в моем истинном к Вам уважении и совершенной преданности». Таким письмом, надиктованным пиш-барышне 31 октября 1905 года, замолвил словечко перед министром внутренних дел П.Н. Дурново товарищ его, по-нынешнему заместитель, Д.Ф. Трепов.

Ну, конечно же, Михаил Григорьевич Кривошлык был человеком благонамеренным и благонадежным, потому что более благонамеренной и благонадежной газеты, чем «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства», не было во всей столице.

Редактором ее он стал в 1898 году, до того шесть лет проработав помощником редактора. Так что, в общем, мог позволить себе в 1902 году достаточно пышно отметить десятилетие «государственной службы, общественной и литературной деятельности». По случаю этой знаменательной даты его учитель истории и географии в лубенской гимназии И.Е. Кузменко написал биографию своего ученика, стараниями самого Кривошлыка изданную в «юбилейном» для него году три раза!

Что касается желаемого Кривошлыком перехода в еще более официальный «Правительственный вестник», то с этим случилась у него осечка. Наверное, для Михаила Григорьевича неожиданная, потому что просимые им милости он, как правило, получал.

Посмотрите на фотографию, сделанную у него дома по случаю золотой свадьбы его престарелых родителей. Кривошлыка вы узнаете по наградам, развешанным на груди. Ордена Св. Анны и Св. Станислава III степени, медаль от французского президента, серебряный крест ордена Св. Александра от болгарского князя, звезда от эмира Бухарского, орден офицерского креста Итальянской короны – какова коллекция! О награждениях этих столичная публика оповещалась через газету. Михаил Григорьевич вообще любил публичность. На золотую свадьбу родителей позвал сотрудников редакции. О танцевальном вечере по случаю празднования дня рождения дочери опять же сообщил в своих «Ведомостях».



Он также любил показать свои возможности и свою власть. Так, например, через редакцию «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства» репортеры других столичных газет получали разнообразную информацию о городской жизни и ее происшествиях. Кривошлык превратил это в статью своего дохода, заявляя: «Печать это я – Михаил Григорьевич Кривошлык!».

Но в один прекрасный день благополучию его пришел конец.

Получив 31 декабря 1914 года номер газеты за подписью Кривошлыка, в первый январский день года нового изумленные читатели увидели совсем другую фамилию редактора.

Кривошлык был от должности уволен, на него, так же как и на его покровителя, градоначальника Д.В. Драчевского, завели дело за злоупотребления по службе.

Газета «День» по этому случаю с удовольствием описывала прегрешения Кривошлыка. Рассказывала она, в частности, о таком факте. Кривошлык требовал от градоначальства возмещения 300 000 рублей, потраченных им из личных средств на нужды редакции. Ревизоры, проверяя эти «нужды», действительно обнаружили кучу счетов. В них значились траты на молебны «за друзей», «за врагов», «за хорошую подписку», на портреты, на иконы и просто «на поручения».

Вот такая была история. Да только конец у нее неожиданный.

Лет двадцать назад в московском издательстве «АНС Принт» вышла книжечка «Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей». Собрал их не кто иной, как Кривошлык, когда-то издавший этот свой труд восемь раз. Только за один 1898 год, когда возглавил «Ведомости», – четырежды!

Ужели и в наше время кто-то замолвил за него словечко?

Животрепещущий «листок»

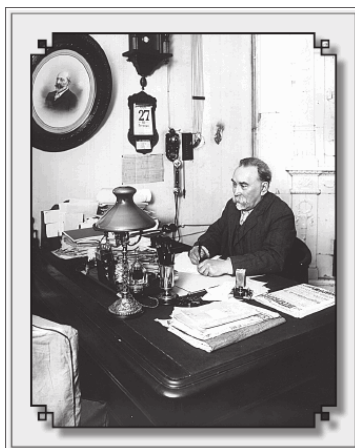
В этих рассказах вы отметите, наверное, частые ссылки на газету «Петербургский листок». Одна из старых русских энциклопедий отнесла его к «типу мелкой прессы». Не знаю, обиделся ли он на такую оценку, только ведь в самом первом номере «Листка», вышедшем 15 марта 1864 года, кредо издания было определено так: «Мы будем присматриваться к мелким явлениям петербургской жизни и даже не станем группировать их по категориям, а просто будем подхватывать на лету, что подвернется под руку, лишь бы новость была, так сказать, животрепещущая...» И объявленный принцип сохранялся в «Петербургском листке» без изменений все годы его существования.

Одинаково животрепещущей для него могла оказаться информация об укушенном собакою и известие о гастролях итальянского тенора... Тяжба купца Александровского рынка Мезенцева с бывшим своим приказчиком по поводу вывески и бесплодные попытки депутатов городской Думы удовлетворить «насущные требования обывателей», своих избирателей... А как любил он публиковать судебные отчеты с процессов по делу всяких злодеев-убийц, ревнивцев-убийц, умалишенных-убийц и т. д. и т. п., с леденящими душу подробностями! Мог даже «с продолжением» рассказывать о процессе парижской шансонетки «красавицы Стенэль» – вот что раздобывал «Листок» для своих читателей!

Распределением информации «по категориям» газета в самом деле не занималась. Хотя постоянные рубрики на своих страницах имела: «Свисток», «Листок», «Происшествия и случаи в городе и пригороде», «Внутренняя почта», «Листки из Альбома Свистунов» и т. д. Однако какие-то нужные обывателю сведения – к примеру, из городской жизни – могли быть помещены в любой из них. Может, таким нехитрым образом заставляли читателя изучать газету от корки до корки?

Что касается читателей, то количеству их у «мелкого» «Петербургского листка» могли позавидовать и большие столичные газеты. Вот две ошеломительные цифры, сообщенные в очерке, вышедшем по случаю полувекового юбилея газеты: совокупный тираж в 1910 году 20 874 700 экземпляров и 30 598 700 в 1913-м!

Она жила и выживала среди многих конкурентов, не пользуясь субсидиями, не получая, как многие другие, казенных обязательных объявлений для публикации, да и частных, по сравнению с объемистым «Новым временем», было совсем немного... Популярность газеты была настолько высока, что какие-нибудь мошенники, рекомендуясь сотрудниками «Листка», могли разъезжать по петербургским магазинам и «забирать даром разные товары», обещая рекламу на страницах газеты. «Считаем нужным предостеречь господ фабрикантов и магазинщиков, что это не более как ловкая проделка известного рода виртуозов, с которыми в этих случаях следует поступать по закону», – защищала свое реноме редакция...



Как правило, в таких скандальных случаях первым ответчиком выступал не кто иной, как сам редактор газеты – вот этот добрый старичок с моржовыми усами на нашем снимке 1909 года. Николай Александрович Скроботов пришел в «Петербургский листок» в 1869 году молодым человеком, двадцати восьми лет от роду, на газетную секретарскую работу, а в 1884 году возглавил редакцию. Так что всех своих сотрудников знал, как отец своих детей. А уж газетную кухню изучил! Мог вертеть колесо печатной машины вместо «запьянствовавших» печатников, отправлял бандероли иногородним подписчикам, когда заболел переплетчик...

Редактор Скроботов и сам писал в свою газету – и под своей фамилией, и под псевдонимами. Один из скроботовских псевдонимов был «Дядюшка-болтушка». Весьма возможно, что именно им подписывал Николай Александрович те свои заметки, за которые упоминавшиеся в них люди привлекали «Листок» к суду. Да ладно суд... В октябре 1884 года некий отставной ротмистр князь Дадешкиани попросту ворвался в кабинет Скроботова и побил его. Таким манером ротмистр опровергал заметку о себе, опубликованную в газете под названием «Князь-буян»...

В диффамации обвиняли и других сотрудников «Листка». Для этой газеты такая ситуация была нормальной. Другое интересней: из общего число в 135 исков, предъявленных Н.А. Скроботову как единоличному ответчику, вынесением обвинения закончились только четыре!

Да, оно так – среди других газет «Петербургский листок» был листком бульварным. Только несправедливо теперь-то относиться к нему свысока уже хотя бы потому, что стал он фактом истории Петербурга и одним из источников, по которому мы можем эту историю изучать.

Опасная профессия

Журналисты старой России, в отличие от нынешних, обходились без профессионального праздника – им ведомы были лишь газетные будни. Эти будни бывали иногда и суровы...

Петербург являлся столицей тогдашней российской прессы. В состоявшейся здесь в 1911 году очередной Выставке произведений печати участвовали ни много ни мало 63 петербургские газеты и 455 журналов – соперничать с новой столицей могла разве что старая Москва. Представляете, какую борьбу за читателя приходилось всем им вести?

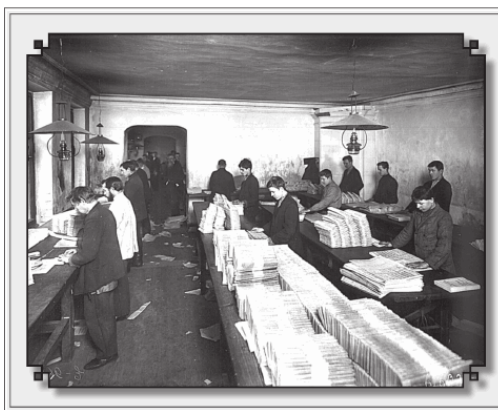
Подписная кампания проходила весьма наступательно. Замечу, кстати, что придумала предварительную подписку газета «Санкт-Петербургские ведомости». В самом первом ее номере, за 2 января 1728 года было объявлено тем, кто «сии „Ведомости“ имеет охоту держать, что за половину денег наперед будут оные порядочно, то есть аккуратно, присылаемы...»

Обычно читателей соблазняли обещанием самой свежей и интересной информации – не было газеты, не уверявшей в этом потенциальных подписчиков. Или обновленным внешним видом старого издания. Например, «Русский инвалид» в первых числах 1845 года оповестил, что печатается отныне новым, «нарочно» отлитым для него шрифтом, «который несмотря на свою четкость, гораздо уместнее прежнего, и потому в газете прибыло места для печатания статей, не входивших в нее прежде по величине своей»... Или заверениями в особой объективности, как приступивший в 1896 году к редактированию «Санкт-Петербургских ведомостей» князь Эспер Эсперович Ухтомский, который на первой полосе объявил читателям, что будет подходить к делу «без всяких предвзятых взглядов и партийных чувств»... И совершенно нахальный прием в привлечении читателей применила однажды «Петербургская газета» – в номера своего конкурента, «Петербургского листка», она умудрилась вкладывать собственные объявления о подписке!

...Но вот подписчик завоеван. Теперь важно было в срок доставить ему газету. Оказывается, газетная экспедиция Почтамта и в те времена подводила редакции несвоевременной доставкой. Поэтому читателя всякий раз печатно предупреждали: мол, так-то и так-то, вчерашний номер сдан на городскую почту в 7 часов утра, на Варшавский и Финляндский тракт в 6 часов 2 минуты, на Московский в 8 часов 5 минут, в чем имеются расписки Почтамта...

Однако существовала еще и розница. По исследованию «Петербургского листка», продажа газет отдельными номерами появилась в нашем городе лишь в начале 1860-х годов и впервые – в поездах Николаевской железной дороги. А потом газетами в розницу стала торговать и книжная лавка Попова на Невском, рядом с Пассажем. Их пример дал толчок развитию розничной газетной торговли. Появились артели продавцов; своих «газетчиков»-разносчиков стали заводить и сами редакции. «Размножение мест, где можно запастись свежеею газетою, без сомнения, должно быть отнесено к числу необходимейших потребностей столичной жизни». Тут, правда, имелась еще и другая корысть: розница повышала тиражи.

Бывало, что хлопотливая газетная жизнь, редакционная «кухня» прорывалась на публику совершенно неожиданными сценами. Можно себе представить, как дивился обыватель, раскрывший номер «Петербургской газеты» за 17 июля 1873 года: вторая и третья полосы напечатаны были «вверх ногами»!.. А как вам понравится такое письмо в весьма солидном «Новом времени»: «Спешу исправить невольную ошибку, вкравшуюся по моей вине в № 44-м уважаемой вашей газеты. Дело в том, что я, по поспешности, сообщил вам, что украдена шуба и разные золотые и серебряные вещи в доме Министерства двора, тогда как случай этот имел место вовсе не там, а в доме № 26 по Малой Итальянской улице. В доме же Министерства найден подкинутый младенец, мальчик семи дней».



Вот так, наверное, рождаются анекдоты... Хорошо, не последовало от министерства никаких «оргвыводов». Но зато сколько печаталось заметок о судебном преследовании редакторов газет!

Осенью 1886 года петербургский окружной суд приговорил редактора «Новостей» к трем месяцам тюрьмы, редактора «Петербургского листка» к штрафу в сто рублей, а их коллегу из «Живописного обозрения» к двухнедельному аресту на гауптвахте – за обвинение председателя правления Рязано-Козловской железной дороги Ададунова в различных должностных злоупотреблениях. Зато самому Ададунову с его связями удалось выкрутиться...

...А на снимке 1901 года перед вами газетная экспедиция «Нового времени». Для подписчиков экземпляр свежего номера складывался «бандеролью» – она как раз проходила в почтовый ящик на двери.

«Г-н Кан даст вам талию»

Этот хозяин ослика, встретившийся когда-то Карлу Булле на Дворцовой площади, подрабатывал, рекламируя по городу «Торг. домъ МОНОПОЛЬ» с Большого проспекта Петербургской стороны.

Надо сказать, у петербургских торговцев товарами и услугами испокон века было немало способов завлечения покупателя.

Самым старинным среди них оказывается газетная реклама. Пионером тут, естественно, были «Санкт-Петербургские ведомости» как первая столичная газета. Вот, к примеру, накануне нового 1731 года с ее помощью обыватели узнали, что у Иоанна Линдемана получены «хорошие свежие стратские Цитроны... которых каждый по изволению ящиками, сотнями, также и дюжинами по небольшой цене покупать может»...



А потом уж не было в городе газеты, которая бы обходилась без рекламы. Ее вставляли, как бы между прочим, даже в тогдашние «фельетоны» – недельные обозрения столичной жизни. Особенно любила делать это «Северная пчела» Фаддея Булгарина. Не жалела ни слов, ни эмоций. «Природа не дала вам талии; ступайте к г-ну Кану, он даст вам талию своей работы... Он исправен, не заставляет долго дожидаться, не берет лишнего, не старается выгдывать на сукне. Магазин его на Невском проспекте, на углу Малой Морской, в доме Коссиковского». И это – среди информации о погоде, бывших на неделе спектаклях, гуляньях и т. д. и т. п. Видно, г-н Кан дал Булгарину талию своей работы, не взяв за то не только лишнего, но и вообще ни копейки...

Наверное, как раз в «Северную пчелу» и метнула стрелу «Литературная газета» в 1848 году: «изумленный читатель... решительно не понимает, который же из модных магазинов лучше – один отличный, другой превосходный, третий наилучший, четвертый образцовый, пятый удивительный... После такой статьи отправляешься обыкновенно в первый попавшийся...»

Позже стали появляться новые формы рекламы.

На свет рождается сначала рекламный листок. Один из них, изданный в 1861 году, прославлял в частности каллиграфа Генриха Блокка, бравшегося за шесть часов занятий исправить желающему почерк. В листке приводились «свидетельства благодарности» от графа Сиверса, барона Фредерикса, барона Врангеля, вероятно, до блокковских уроков писавших

коряво... Однако и «летучие листки», как и газетная реклама, были сочтены неэффективным средством: они «немедленно бросаются, большею частью без прочтения».

Первым, кто предложил в нашем городе устраивать для печатных объявлений специальные щиты, был известный книгоиздатель Адольф Плюшар. Мысль эта явилась у него в 1856 году, но Дума ходатайство отклонила, поскольку Плюшар желал иметь по этой части «привилегию», то есть быть свободным от конкурентов...

Однако идею Плюшара подхватили другие. В 1862 году в Думу поступило сразу несколько проектов устройства в столице «столбов и щитов для наклейки разных объявлений».

Среди авторов этих проектов был, между прочим, известный художник Михаил Микешин, предложивший делать как щиты «в изящных чугунных рамках, с украшениями», так и столбы, то есть тумбы – такого, впрочем, размера, чтобы в них невозможно было развернуть торговлю.

О чем-то подобном проекте, как о деле решенном, газета «Голос» даже сообщила 13 января 1863 года. «По слухам», написала она, на улицах столицы должны скоро появиться столбы для наклейки объявлений на манер заграничных. В Париже внутри таких столбов устроены «несессеры» (автор не решился употребить грубое русское слово «нужники»), но «у нас столбы-будочки предполагается отдавать для мелкой торговли».

Но слухи остались слухами, так как Дума с Управой все не могли выработать условия контракта, по которым желающие могли бы взяться за дело. А ведь кто только потом не предлагал свои услуги! Капитанская жена Анна Колокольцева, варшавский купец Мазур, кандидат права Штерн, французский подданный Карл Сестер де Лаутереттен, германский подданный, прусский подданный, финляндский уроженец и т. д. и т. п. Они готовы были соорудить не простые щиты и тумбы, но с часами, фонарями, бесплатной питьевой водой и справочными указателями. И даже киоски, в которых можно было бы не только ознакомиться с объявлениями, но и купить газеты...

Однако только с 1880-х годов наконец-то разрешили аренду городских участков для организации службы объявлений.

Но вот кто оказался в этом деле необыкновенно предприимчив, так это некий Василий Андреевич Пташников. В 1906 году он взял в аренду «право эксплуатации» временных заборов вокруг отремонтированных мостов – Полицейского, Михайловского, Пантелеймоновского, Введенского и Аларчина. Как можно «эксплуатировать» заборы? Смею предположить – отдавая их под объявления и рекламу. По крайней мере, площадь каждого из упомянутых заборов была точно исчислена, определена стоимость аренды за квадратную сажень, и всего в пользу города Пташников заплатил немалую сумму – 2690 рублей 25 копеек.

А что касается идеи устройства нужников-несессеров в рекламных киосках, то городская управа вернулась к ней через полвека, задумав в 1915 году установить их на петербургских улицах. Прогресс, правда, подсказал ей еще одно использование рекламных будочек – помещение в них общественного телефона. О чем поведал тогда «Архитектурно-художественный еженедельник».

Новое «искусство»?

*Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде тапиклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «Andre»
И пышные гроба: «Шумилов-старший»...*

Это Анна Андреевна Ахматова нарисовала картинку старого Петербурга. Картинка точна, как фотография. Можно открыть суворинский «Весь Петербург» и найти: Шумилов-старший, Сергей Николаевич, гробовщик, Литейный, 52.

Теперь даже и не поверить, и не представить, что были времена, когда стены петербургских домов оставались чисты и свободны от вывесок. Это Елизавета Петровна, императрица, в октябре 1752 года повелела генерал-полицеймейстеру Алексею Татищеву потребовать от мастеровых, чтобы они устраивали свои заведения исключительно внутри дворов и на «знатных улицах» никаких «вывесок своих мастерств» не имели. Запрет этот сняла Екатерина II. Уже другому генерал-полицеймейстеру, Николаю Чичерину, указала: и по соседству с дворцом, и на прочих улицах вывески мастеровым разрешить, как прибитые к стене, так и висячие, написанные на досках или полотне «по пристойности». «Непристойными» сочтены были ею вывески на заведениях гробовщиков и продавцов «нижняго мужеска платья».

И с этого момента процесс пошел. Побывавший в Петербурге в середине XIX века французский писатель Теофиль Готье увидел и описал такой вот «пейзаж»: «Золотые буквы выводят свой рисунок на голубом фоне, выписываются на стеклах витрин, повторяются на каждой двери, не пропускают углов улиц, круглятся по аркам, тянутся вдоль карнизов, используют выступы подъездов, спускаются по лестницам подвалов, изыскивают все способы привлечь внимание прохожих».



Кстати, над тем, что бывало написано теми «золотыми буквами», посмеялся в одной из своих книг знаток истории Петербурга М.И. Пыляев: «Здесь бреют и крофья творяют»...

Однако давайте обратим внимание на снимок. Архитектурный облик здания – особняка Юсуповой на Невском – едва просматривается за огромными щитами: «Магазин мебели», «Полная меблировка квартир», «Кинематограф Патэ», «Музей-паноптикум», «Видер», «Керосин, свечи, лампы», «Галантерейный и игрушечный» и прочими.

Фотография этого особняка была представлена участникам IV съезда русских зодчих, в числе еще десятка других, как пример «нашего отечественного вывесочного искусства, мажорный расцвет которого мы переживаем в настоящее время».

«Вандализм рекламы» – так назвали свой доклад на съезде его участники Е.Е. Баумgarten и Л.А. Ильин. «Невозможная, доведенная до бессмыслицы конкуренция, безразличие властей, падение архитектуры и уважения к ней масс, овечья кротость и равнодушие обывателя», равно как «никем не удерживаемая фантазия и изобретательность творцов вывесок и других реклам» – вот, по мнению докладчиков, причина того, что не осталось в Петербурге улиц «не обезображенных, иногда до полного затмения архитектуры».

Объяснялось все просто: на установку рекламы достаточно было разрешения одной лишь полицейской власти, которая смотрела единственно с цензурной точки зрения. Петербургские архитекторы и художники взывали: нужно охранять город от рекламного безвкусия, иначе «все, пожалуй, привыкнут и начнут считать это новым искусством»...

Интересный факт – старые вывески и после революции все еще оставались в нашем городе. Лишь в конце 1920 года газета «Жизнь искусства» сообщила, что в Петрограде началось «уничтожение наружных уличных эмблем прежнего капиталистического строя». (Она же отметила, однако, умных людей «из совета 2-го района», которые решили сохранить для истории рекламу, имеющую «художественное или бытовое значение».)

Так что, надо полагать, город некоторое время жил без вывесок – пока на смену старым не пришли новые. Свято место пусто не бывает...

«Для дворового обереганья»

Хозяин «местности»

«Запасные нижние чины, не моложе 25 лет от роду и ростом не ниже 2 арш. 6 верш., желающие поступить на службу в ГОРОДОВЫЕ С.-Петербургской столичной полиции на жалованье в 360 рублей в год, могут являться ежедневно от 9 час. до 10 час. дня к Начальнику Полицейского резерва, в здание Александро-Невской части (Гончарная, 6) с документами и аттестатами».

Это объявление в «Ведомостях Санкт-Петербургского градоначальства», видимо, прочел в свое время и городской, запечатленный на снимке. Ростом он был уж точно не ниже 170 см, телосложение имел крепкое, здоровье хорошее, читать и писать наверняка умел... Взяв два рекомендательных письма от прежнего полкового начальства и вытащив из сундучка свидетельство об окончании трех классов земской школы, подал прошение на имя градоначальника: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие определить меня на названную должность...».

Прежде чем стать на пост на одной из столичных улиц, где и попался наш городской на глаза фотографу, прошел он учебу в школе Полицейского резерва. Здесь его научили кому, как и при каких обстоятельствах отдавать честь, как вести себя с законопослушными обывателями и как с преступниками. Главное же, надо было раз и навсегда запомнить насчитывающий семь десятков пунктов список обязанностей, изложенных в специальной инструкции.



Инструкция эта определяла городского как «блюстителя порядка и благочиния, оберегающего личность и собственность каждого». Надзору его вверялась «определенная местность» – участок, в пределах которого он должен был знать все храмы, присутственные места, аптеки, больницы, родильные приюты, гостиницы и постоялые двory, все улицы, все дома на них, с чердаками и подвалами, и двory, с входами и выходами. И само собой разумеется, всех домовладельцев по фамилии, а дворников в лицо... Но особой трудности в том не было, поскольку на вверенном ему участке городской и квартировал: иначе не полагалось. Жилье городских,

между прочим, оплачивалось из городского бюджета, а казна платила им жалованье и обмундировывала.

Городовой был в некотором смысле первым начальником на своей территории. От домовладельцев требовал, чтобы с дворов вовремя вывозился мусор. От дворников – чтобы те летом к пяти утра, а зимою к семи чисто подметали тротуары и по сезону либо поливали их водою от пыли, либо скалывали с них лед и посыпали песком. От жильцов – чтобы на балконах не сушились ковры и белье, а на подоконниках снаружи не стояли цветочные горшки, не дай бог, упадут!

Надо еще сказать, что функции, так сказать, современного участкового милиционера городовой совмещал с обязанностями постового. Дежуря на улице, он мог остановить дозволяющих себе слишком скорую езду, при большом движении транспорта помогал переходить дорогу женщинам, детям и престарелым (все это тоже регламентировалось соответствующими пунктами инструкции!). И выходил городовой на пост обязательно при всех имеющихся у него орденах и медалях...

Все столичные городовые были вооружены. У них имелся револьвер, казацкая нагайка и шашка драгунского образца. После памятных событий 1905 года выяснилась нужда в таком средстве защиты, как специальные доспехи.

Разработанный капитаном А.А. Чемерзиным «защитный панцирь» стал прообразом современного бронежилета. «Панцирь» испытали в 1906 году, и при стрельбе в него из трехлинейки, маузера, браунинга и нагана он показал хорошие качества. Но в ношении был не слишком удобен, да и дороговат для того, чтобы широко использоваться в полиции. Более пригодную («подвижный, вес 16–18 фунтов») конструкцию «панциря», по информации журнала «Вестник полиции», предложили полицмейстер 4-го отделения полковник В.Ф. Галле и командир полицейской роты капитан Задорновский. Изготавливать эти доспехи стали в мастерских Дома трудолюбия, что помещался на Обводном канале, 145...

Какой бы хлопотной ни была служба столичных городовых, а они очень держались за свое место и служили по многу лет. Уже упомянутый «Вестник полиции» поместил в 1908 году фотографии «служащих и поныне» Гавриила Семенова, поступившего в городовые в 1866 году, и Пуда Степанова, пришедшего на службу в 1871-м.

«Для дворового обереганья»

Герои этих двух старых снимков – дворник и швейцар, фигуры в любом городе, можно сказать, неперенные. А в старом столичном Петербурге еще и значительные.

Дворнику даже посвящена специальная статья в «Русской энциклопедии», вышедшей в начале прошлого века. Оказывается, они появились на Руси еще в XVI веке и назначены были «для дворового обереганья».

«Дворовое обереганье» предполагало немало обязанностей. Самая традиционная, дошедшая и до нашего времени, – убирать улицу. Когда-то за этим строго следил сам градоначальник. «При ежедневных объездах города мною усматривается, что дворники, производя чистку тротуаров от снега и ледяных налетов, не скалывают таковых окончательно до камня и ограничиваются засыпкою песком, почему движение публики по тротуарам крайне затруднительно и до некоторой степени небезопасно», – это генерал-майор Н.В. Клейгельс устраивает разнос на страницах «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции» в феврале 1896 года. Способы уборки снега у нас, кажется, остаются неизменными во все времена. В заметках побывавшего полтора века назад в Петербурге француза Теофиля Готье читаем: «Вооруженные широкими лопатами дворники очищали перед дверями тротуар и бросали снег на мостовую, точно щебенку на насыпную дорогу». Знакомая картина?



Вменялось также означенным «оберегателям» следить, чтобы не находились без присмотра малолетние дети на улице: таковых нужно было немедленно отвести к родителям. А ежели в каком окне близко к краю стоит горшок с цветами или бутылка, то потребовать от жильца убрать сии предметы подальше от греха. И кому-то в доме дров принести или воды натаскать.

Вот и на снимке дворник – с ведрами. Припозднившегося жильца впустить, ворота ему открыть... Мало того, каждый дворник, согласно графику, составленному в полицейской части, обязан был нести еще и ночное дежурство: «на ногах», как требовала инструкция, лишь изредка присаживаясь для отдыха «на табурет без спинки».



В инструкции говорилось и еще об одной сфере деятельности петербургских дворников и швейцаров в гостиницах и меблированных комнатах. Поскольку и по закону государственному, и местными постановлениями определены были им полицейские обязанности, то должны были они сообщать в полицию обо всех прибывающих и убывающих лицах по своему дому, а также о личностях подозрительных. Особо бдеть надлежало во время ночного дежурства, дабы не проглядеть замышляющегося преступления. Из приказа уже упоминавшегося тут градоначальника Клейгеля: «При ночных объездах по городу мною постоянно усматривается, что отправляющие ночную сторожевую службу дворники одевают несообразной величины тулупы и, закутываясь в них с поднятым при этом непомерной величины воротником, теряют подвижность и лишаются возможности иметь должное наблюдение за благополучием не только по вверенным их надзору районам, но даже за теми домами, от которых выставлены...»

Тем не менее, столичные дворники и швейцары, вероятно, все-таки хорошо несли свою полицейскую нагрузку: в редком номере «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства» не встречались приказы о награждении их тремя рублями за поимку какого злодея или предотвращение преступления. А в 1907 году был учрежден даже специальный фонд для вспомоществования тем из них, кто получил увечья, оберегая покой и благополучие жильцов...

Полицейские же приставы, которым положено было знать всех дворников в лицо, постоянно использовали их как помощников. Например, выпущенная в 1913 году «Инструкция чинам полиции при проездах Их Императорских Величеств по городу Санкт-Петербургу», – совершенно секретная, но сохранившаяся в Публичной библиотеке! – рекомендовала привлекать в этом случае для содействия старших дворников, «известных своею безупречной нравственностью и преданностью делу».

Два эти качества были определяющими при найме на работу. Конечно, с первого взгляда благонадежность не выразишь, так что в Полицейском управлении собирали, как бы мы сказали теперь, банк данных по столичным дворникам и швейцарам и рекомендовали владельцам домов и гостиниц справляться, не числится ли за соискателем места какого грешка перед прежними хозяевами.

Впрочем, и сами наши герои высоко ценили свое достоинство профессионалов и образовали осенью 1904 года «Общество Санкт-Петербургских дворников и швейцаров».

«Душа гражданства»

Полиция, эта «душа гражданства и всех добрых порядков», как было сказано в указе Петра I, родилась в нашем славном городе 27 мая 1718 года. Петр же определил и ее функции, которые во многом оставались неизменными на протяжении долгого времени.

...В 1914 году помощник делопроизводителя канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника А. Щукин издал «Руководство для изучения полицейской службы». (Полицейские чиновники, надо сказать, регулярно сочиняли разные руководства, справочники и инструкции. Иные даже почтительно посвящали свой труд начальству, как, например, некий Николай Цылов, подписавшийся в предисловии: «Вашего Превосходительства покорнейший слуга»...)

Что касается щукинской книжечки, то она оказывалась весьма полезной тогдашним соискателям места в столичной полиции тем, что содержала массу полезных сведений, начиная от системы управления страной и городами до устройства и состава петербургской полиции, обязанностей и функций различных ее чинов.

Разумеется, полицейским уже не надо было, как во времена Петра, заставлять обывателей регулярно чистить печные трубы и самолично осматривать их раз в квартал. Зато требовалось следить за отбытием гражданами воинской повинности, за соблюдением черты оседлости, за правильным хранением «зажигательных спичек», за тем, чтобы табачные изделия не продавались без патента, а проститутки не работали без медицинских справок...

Работа, понятное дело, деликатная, требующая не только точного соблюдения инструкций, но и определенного характера, можно даже добавить – совести. По этому поводу еще раньше, в 1881 году, размышлял некий аноним, в своих «Мыслях о петербургской полиции» – маленькой брошюрке, подписанной им «Служивший в полиции».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.